А. П. Чеховъ читаетъ артистамъ Художественнаго театра «Чайку».

Стоятъ (слѣва направо): Немировичъ-Данченко, Лужскій, Андреевъ, Григорьева. Сидятъ: Раевская, Вишневскій, Артемъ, Книперъ, Станиславскій, А. П. Чеховъ, Лилина, Роксанова, Мейерхольдъ и Тихомировъ.

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ.

Душа Чехова

Чеховъ — прекрасный писатель, но это былъ еще и рѣдкій человѣкъ. И въ литературѣ и въ жизни онъ поражаетъ своей самостоятельностью, независимостью и оригинальностью, обдуманностью умомъ и простотой. Въ своей беллетристикѣ, какъ и въ драматургіи, Чеховъ далъ нѣсколько совершенно новые пріемы, освѣщая по новому жизнь, природу, людей, преобразилъ художественную манеру Тургенева и Толстого, сдѣлалъ ихъ примѣнимъ настоящимъ, продолжателемъ, усовершенствователемъ ихъ изобразительнаго литературнаго искусства. Это хорошо понималъ и самъ Толстой, совѣтуя Маркеу издать Чехова:

— Послѣ Тургенева и Гончарова, — пояснялъ Толстой, — ему, вѣдь, ничего не остается, какъ издать Чехова и меня.

Въ русской беллетристикѣ чеховскія вліянія неискоренимы, какъ навсегда будетъ записана въ русскую литературную исторію заслуга Чехова предъ маленькими разсказами. Онъ, неновый, заставилъ уважать и цѣнить миніатюру, отнесвшую для него поветное, а не случайное мѣсто въ журналахъ, въ книжныхъ издательствахъ, на читательскихъ и библіотечныхъ полкахъ. Въ обычно шутливомъ тонѣ онъ писалъ объ этомъ А. С. Суворину: «Газетные беллетристы второго и третьяго сорта должны воздвигнуть мнѣ памятникъ, или, по крайней мѣрѣ, водвести серебряный портсигаръ: я продолжилъ для нихъ дорогу въ толстые журналы, въ лавровъ и въ сердцамъ поваднолныхъ людей». То же повторяетъ онъ и А. С. Лазареву-Грузинскому: Я считаю, что указалъ путь многимъ въ толстымъ журналамъ. И всегда въ этимъ шутливымъ, то серьезнымъ словамъ Чеховъ прибавлялъ: «Это — мая единственная заслуга».

Онъ былъ поразительно скромнъ. Чья голова не закружилась бы отъ такихъ молодыхъ успѣховъ, какіе поняли на долю Чехова! Сотрудникъ «Будильника» становится желаннымъ гостемъ «Русской Мысли», «Сѣвернаго Вѣстника», Фельетонистъ «Петербургской Газеты», на 28-мъ году жизни, получаетъ Пушкинскую премію. Начинающій авторъ обязанъ Григоровичу, написавшимъ ему самое лестное письмо, пророчаще завидную литературную будущность. Но не смотря на этихъ щедрыхъ подарковъ судьбы не сдѣлалъ Чехова ни высокомѣрнымъ, ни требовательнымъ, ни закрылъ ему глаза на собственные недостатки — наоборотъ: увеличилъ строгость къ своимъ писаніямъ, обострилъ и настороживъ суровый критицизмъ, посѣялъ въ душѣ сомнѣнія въ своемъ талантѣ, въ цѣнности всего имъ созданнаго.

«Все, что я написалъ и за что мнѣ дали премію, — говоритъ онъ въ письмѣ къ Суворину, — не стоитъ протвечь въ памяти людей и 10 лѣтъ». Въ другомъ письмѣ: «Все мною написанное забудетъ черезъ 5—10 лѣтъ.» Въ душу закодывлись самыя тягостныя подозрѣнія: «Дѣломъ я занимаюсь или пустяками? Критика молчитъ, публика вретъ, а чувство мнѣ говоритъ мнѣ что я занимаюсь вздоромъ.» Отрицательно и несправедливо Чеховъ относился и къ своему литературному мастерству: «Еле справляюсь съ техникой. Слабъ еще по этой части и чувствую, что дѣлаю массу грубыхъ ошибокъ».

Есть скромность и скромность. И она можетъ быть заискивающей и мужественной, дрожащей и спокойной. Бываетъ скромность — безсиліе и скромность — сила. Чеховъ несъ въ своей душѣ настоящую мужественность. При всемъ, можетъ быть, сердечной мягкости, Чеховъ отличался большой внутренней силой. Въ своихъ убѣжденіяхъ онъ былъ твердъ и непоколебимъ. Все, что Чеховъ получилъ отъ жизни и славы, пришло къ нему, какъ награда только за талантъ и отъ личныя литературныя заслуги. Свое искусство Чеховъ никогда не продавалъ ни въ чью угоду, не заискивалъ предъ авторитетами, не склонялся предъ политическими формулами, не примѣнялся ни къ одному направленію. И въ литературѣ, и въ жизни онъ былъ господиномъ своихъ дѣлъ, единственнымъ отвѣтчикомъ за свое поведеніе, совсѣмъ не признавалъ литературнаго и журнальнаго мѣстничества и ни въ чемъ ни разу не отдалъ предпочтенія «толстымъ» журналамъ предъ скромными газетами.

«Не все ли равно, — писалъ онъ Я. П. Полонскому, — поетъ ли соловей на большомъ деревѣ или на кустѣ?» На требованіе работать только въ «солидныхъ» ежемѣсячникахъ онъ смотрѣлъ, какъ на предразсудокъ, считалъ это выраженіемъ желчи, чиновничества, видѣлъ въ этомъ большой вредъ, находилъ это глупымъ и смѣшнымъ. Въ сознаніи своей духовной свободы, никому не подчиняющейся, онъ заявлялъ: «Когда я напишу большую вещь, пошлю въ толстый журналъ, а маленькія буду печатать тамъ, куда занесутъ вѣтеръ и моя свобода». То же самое онъ говорилъ и Плещееву, а Плещеевъ тогда былъ однимъ изъ редакторовъ «Сѣвернаго Вѣстника». Безъ всякихъ смягчающихъ словъ, твердо и спокойно Чеховъ писалъ ему: «Во всѣхъ нашихъ толстыхъ журналахъ царитъ кружковая, партійная скука. Лучшо... Партійность, особенно если она безвкусна и суха, не любитъ широкаго размаха.»

28-лѣтнему Чехову прислалъ письмо Ник. Михайловскій, извѣстный критикъ, а тогда и общепризнанный авторитетъ. Оно носило утѣшительный характеръ. Въ немъ Ник. Михайловскій называлъ Чехова большимъ талантомъ, огромной силой, человѣкомъ, которому «много отъ Бога дано», отмѣчалъ чеховскую неспокойность и только укорялъ за сотрудничество въ «Новомъ Времени», «Осколкахъ» и пр. Чеховъ отвѣтилъ. Возражая Михайловскому, онъ твердо заявилъ, что еще чувствуетъ никакой антипатіи къ «Новому Времени», но если бы и чувствовалъ, не затрудчился бы печаться тамъ, потому что слишкомъ многимъ обязанъ Суворину». Вновь Михайловскій обратился къ Чехову съ письмомъ: приблизительно тѣ же мотивы звучали въ чтоговалъ другихъ литераторовъ и редакторовъ, но Чеховъ не внялъ ни одному изъ этихъ увѣщаній, и, какъ былъ, такъ и остался въ двусмысленной перепискѣ съ самимъ суворинымъ и постояннымъ сотрудникомъ «Новаго Времени».

Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока самъ Чеховъ не отсоединился отъ этой газеты и ея редактора-издателя. Размѣреніе произошло во время знаменитаго процесса Дрейфуса. Разъ почувствовавъ несправедливость, оскорбившись фальшью, разойдясь душевно. Чеховъ не зналъ компромиссовъ, не допускалъ оговорокъ, и въ февралѣ 1898 г. Суворинъ получилъ отъ Чехова письмо, явно говорящее о разрывѣ. Какъ ни былъ обязанъ этому человѣку Чеховъ, онъ не захотѣлъ простить Суворину его пѣха противъ писательскаго долга, противъ первой заповѣди писательской совѣсти. «Пусть Дрейфусъ виновенъ, объяснялъ Чеховъ въ этомъ письмѣ, — и Зола все-таки правъ, такъ какъ дѣло писателей не обвинять, не преслѣдовать, а вступаться даже за виноватыхъ, разъ они осуждены и несутъ наказаніе». Тутъ же у Чехова вырывается фраза едва сдерживаемаго негодованія: «Ставость его (Зола) будетъ хорошей старостью и учитель онъ съ покойной, или, по крайней мѣрѣ, облегченной совѣстью».

Впослѣдствіи М. М. Ковалевскій говорилъ, что Чехову все-таки удалось повліять на Суворина, онъ отказался отъ своихъ прежнихъ обвиненій Дрейфуса, но газета «Новое Время» такъ и осталась на своей прежней позиціи. И Чеховъ писалъ брату, что «въ дѣлѣ Зола «Новое Время» вело себя просто гнусно». Это — не случайность, не единственный или мимолетный поводъ, — это — характерное выраженіе вообще чеховскаго понимания своего литературнаго и общественнаго долга, своей личной свободы, независимости своихъ сужденій, своихъ отношеній къ людямъ, своего житейскаго и писательскаго поведенія.

Всю жизнь онъ оставался врагомъ лжи, лукавства, фальши, даже тогда, когда они проявлялись въ чисто официальныхъ давно установленныхъ формахъ. Совершенно не выносилъ банкетовъ, торжественныхъ ужиновъ, юбилейныхъ предсѣдательъ, публичныхъ чтеній. Отъ чтенія въ нихъ Чехова обенегалъ еще и его юморъ. Эти празднества представлялись ему смѣшными въ своей банальной и лживой торжественности. Казалось бы, можно было сдѣлать исключеніе для Григоровича, стараго писателя, ставившаго себѣ въ заслугу «открытіе» Чехова. Одинъ изъ его пріѣздовъ въ Москву совпалъ съ канунными днями юбилея Григоровича. Конечно, всѣ разсчитывали на присутствіе Антона Павловича: онъ долженъ былъ стать «украшеніемъ официальнаго чествованія», устраивавшагося издателемъ «Русской Мысли» В. М. Лавровымъ. Чеховъ хотѣлъ заблаговременно въ «Сокѣ Писателей» именно за сгущеніе красокъ, будто бы допущенное въ этой повѣсти. Но не Чехова можно было испугать или разубѣдить. Его вѣра, его убѣжденія всегда были крѣпки. Даже восторженно любимый имъ Толстой иногда не измѣнилъ въ душѣ Чехова. Толстовская мораль скоро «перестала меня трогать». Къ общему преклоненію предъ мужикомъ Чеховъ относился такъ же, какъ ко всякой выдуманной, благѣйной неправдѣ, и народничество для него было чуждо, какъ мундиръ, и отталкивало своимъ деспотическимъ шаблономъ. Въ этомъ отношеніи для него были одинаково чужды и ему далеки и Толстой и Златовратскій. Для сѣятаго идеймаго невнимонія Чеховъ былъ слишкомъ уменъ и потому непоколебимъ; чтобъ вѣрить на слово, ему не хватало вѣры; для того, чтобъ стать въ позы чванящихъ чуда, Чеховъ не хотѣлъ лелѣять въ своей душѣ вымѣхъ иллюзій, какъ бы красивы онѣ ни были.

* * *

Удивительно — какъ могло случиться, что этотъ наблюдательный человѣкъ, надѣленный такимъ яснымъ умомъ, такъ долго не замѣчалъ, что онъ хиретъ, слабѣетъ, кашляетъ, быстро утомляется? Какъ произошло, чѣмъ объяснить, что этотъ врачъ, привыкшій безстрашно смотрѣть на чужіе недуги какъ и на свои, могъ такъ долго не понимать, что самъ онъ носитъ въ себѣ одинъ изъ самыхъ страшныхъ недуговъ? Уже когда все стало непоправимо, болѣзнь оказалась застарѣлой и пропущены были всѣ сроки, только тогда, послѣ особенно обильнаго легочнаго кровотеченія, Чеховъ спохватился и у него вырвалось:

— Какъ это я могъ допустить до этого! Какъ я довелъ до этого!

Впрочемъ, Чеховъ никогда не думалъ о смерти, не любилъ говорить о ней, ни въ чемъ, ниглѣ не проявилъ и страха имѣть ней. Это подтверждаютъ и его послѣднія минуты. Полное сознаніе происходящаго, ясность воспоминаній, умъ не затуманенъ, и передъ самой смертью. О. Л. Книппе-Чехова положила ему на грудь мѣшокъ со льдомъ. Чеховъ сказалъ:

— На пустое сердце льда не кладутъ.

Пришелъ докторъ, велѣлъ дать шампанскаго. Антонъ Павловичъ сѣлъ и какъ-то значительно и громко произнесъ:

— Ich Sterbe...

Трогательная подробность: Чеховъ носилъ брелокъ съ надписью:

«Одинокому весь міръ — пустыня».

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ.